

Идеи Октября, всколыхнувшие мир, вызвали к жизни новое революционное искусство, явились могучим стимулом развития художественной мысли XX века.

Идеи социализма, революционные, освободительные, гуманнейшие по своей сущности, не были и не могли быть навязаны народам. Они были действительно выстраданы и потому обрели силу необоримую, потому восторжествовали. Рожденный революцией строй утверждался не вопреки традициям того или иного народа, его веками сложившемуся характеру, не вопреки его национальной истории. Социализм явился качественно новым продолжением этой истории, естественным ее развитием, отвечавшим сокровенным чаяниям народа. Художнику, кровно связанному с народом, были не только приемлемы, — органически близкими были идеалы революции, ее преобразующий диализм.

Известный наш писатель-классик, живший в Западной Украине, автор новелл-шедевров — Василь Стефаник — в 1927 году в условиях панской Польши так сказал, отвечая на запугивание большевизмом: «Ми, мужики, не боїмось більшовиків, бо всі ми більшовики в душі».

Вы знаете, каким было положение Украины, как и многих других народов в предреволюционное время,

в условиях царского деспотизма, когда вне закона находились украинский язык, школа, и театр, и песня. Вне закона фактически была вся культура украинского народа. Пожалуй, самой трагичной фигурой в жизни нации предстает перед нами образ дореволюционного украинского интеллигента, писателя, артиста, художника, человека трижды бесправного, поднадзорного, травимого, испытывавшего на себе всю горечь и социального, и национального бесправия. Не только Шевченко с его прометеевской судьбой, не только Иван Франко, славивший свои поэмы под конвоем царских жандармов, не только Леся Украинка задыхались в удушающей атмосфере той жизни. Каждый, кто решил посвятить себя служению родному народу, родной культуре, сознательно шел на тягчайшие испытания. Многие классические произведения украинской литературы были написаны в казематах, в тюрьмах, в ссылках, в изгнании.

Я позволил себе об этом напомнить здесь потому, что это дает объяснение, почему так бурно приняла украинская демократическая интеллигенция весну революции, открытым сердцем отозвалась на ее призывные колокола. Этим же во многом объясняется и то, почему уже первые послереволюционные годы явили поразительный взлет творческого духа, принесли нашей культуре то, чем мы и сегодня гордимся.

Павло Тычина с его первыми книгами поэзии, с ритмами революции, его гениальные «Солнечные кларнеты» с их удивительными прозрениями в будущее, с космической тревогой, с трепетной человечностью

стали уже тогда явлением мировой поэзии.

Кинопоэмы Александра Довженко, могучая драматургия Микола Кулиша, новаторский театр Леся Курбаса, так же как и романы Юрия Яновского и живопись Федора Кричевского, создавались на высокой революционной волне.

Можно было бы еще немало назвать подлинных художественных открытий, и в каждом из них живет беспокойный дух революции, ум и энергия народа победившего.

Говорится это не ради праздничной похвалы, говорится потому, что опыт первых художников революции, опыт поколения блестящих мастеров близок нам и сегодня. Современное наше общество с его возросшим уровнем интеллектуального и нравственного развития выдвигает перед художником, конечно, новые, соответствующие времени задачи, и, чтобы их успешно решать, нужны все та же убежденность, творческая одержимость, все та же отвага вдохновения, нужная зрелость мысли и смело обновляемая поэтика.

Время иное. Меняется его тональность, но неизблемым остается понимание высокой миссии искусства, остается верность давнему завету художников — лепить человеческое в человеке, развивать это человеческое.

Духовное наследие Октября сегодня воплощается в активном развитии культур-социалистических наций нашей страны, в глубоко народной природе нашего искусства, в философии жизнеутверждения, в верности ленинским заветам. Дух Октября неистребимо живет в том действенном гуманизме, которым проникнуты все лучшие произведения нашего искусства и литературы.

С чистой совестью может смотреть сегодня советская творческая интеллигенция в глаза своей Родине, есть ей чем встречать славное пятидесятилетие революции. На протяжении всего столетия народ видел советского художника в напряженном труде. И если пройденное пятидесятилетие предстает сегодня перед нами во всей своей значительности, в поливодном движении жизни, в живых образах людей, творивших новую историю человечества, то немалая заслуга в этом многонациональной советской литературы и искусства.

Творческое беспокойство мастеров старшего поколения, щедрый приток в литературу молодых талантов, общее стремление к совершенствованию, стремление глубже проникать в сущность явлений, овладевать еще неразгаданными тайнами искусства придают нам уверенность в том, что полустолетие, в которое мы вступаем, обогатит нашу литературу и искусство новыми ярчайшими созданиями человеческого духа.

Успехи литературы во многом будут, мне думается, зависеть от повышенной требовательности каждого из нас к себе, к своему труду. Общее дело пойдет еще успешнее, если наше чувство ответственности будет дополняться повышенной чутким отношением к каждой творческой индивидуальности. Не говоря уже о содержании, нам, видимо, нужна, чувствуется, что нужна, еще более высокая культура формы, нужен высокий профессионализм, ибо в искусстве многое решает именно мастер, личность, всесторонне подготовленная творческая индивидуальность.

Не все у нас, конечно, гладко, и вряд ли стоит об этом умалчивать даже сегодня, в этой торжественной обстановке. Ленин учил нас даже в дни юбилея думать о деле, и мы не можем не думать сегодня о завтрашнем дне искусства, о его будущем.

К сожалению, существуют еще упрощенные, примитивные представления об искусстве, о его роли и значении в жизни, непонимание самой природы творческого процесса, психологии творчества. Упрощенно иногда изображается сложнейший процесс воздействия искусства на человека. Вот почему нам так доро-

го ленинское, поистине проныновское понимание природы искусства (вспомним хотя бы гениальные статьи Ленина о Толстом). Нам предстоит отстаивать взгляд на искусство как на явление сложное, тонкое, выливающееся порой в формы причудливые, рождающие образы, которые вначале могут показаться даже странными. Нельзя допустить также, чтобы снижались эстетические вкусы читателей и зрителей. А мы с вами, товарищи, знаем, как тут иногда бывает не все благополучно. Искусство — не та сфера, где применимы голый расчет, заданность, прямолинейность. Люди искусства, как и все смертные, конечно, нуждаются в наставлениях. Однако здесь требуются глубокое знание предмета, специфика искусства, чувство такта, а то под дождем наставлений невольно иногда возникает опасение — не бюрократизировалось бы слово, не впало бы в серость, не превратилось бы в нечто ординарное.

Художник тем и интересен людям, тем и незаменим для общества, что богатством своего внутреннего мира не вкладывается в рамки узких представлений, что он способен бывает открывать нечто более истинное, чем то, что лежит на поверхности буквальной правды. Известно ведь, что даже не всякий жизненный материал может стать основой для творчества художника, а лишь тот, который прошел сквозь его сердце, чуткое, впечатлительное, может быть, даже израненное, и, пройдя только в этом горнильном процессе, стал он для художника живой поэзией, взволновал, склонил к раздумьям.

Время наше сурово. Разбойничьи бомбы грохочут. Вьетнам и сегодня облива-ется кровью. Прекрасная Греция, родина муз, опутана колючей проволокой концлагерей, фашистская реакция чинит расправу над демократами, над творческой интеллигенцией.

Сердца наши сегодня — с мужественными патриотами Греции, с героями Вьетнама.

В таком мире, конечно, искусству нелегко, трудно сказать, что оно переживает свой золотой век.

Есть на земле страны, где искусство значительную долю своих усилий и талантов отдаст занятиям унизительным, истрачивает себя на то, чтобы конвейерно фабриковать бульварное чтиво, фабриковать фильмы такого качества, которые, оказывается, потом способствуют росту преступности в собственной стране. Есть на земном шаре и такие края, где вместо литературы остались уже, говоря, одни цитаты. Выявлен якобы редкий человеческий феномен, восхваляется несчастный юноша, который, перенеся болезнь, забыл родных, друзей, забыл даже собственное имя и помнит лишь отрывки заученных цитат из «самого-самого». Печально это для поэтов и для поэзии, да и вообще печально. Мы, советские литераторы и работники других видов искусства, с гордостью можем сказать, что искусство и литература Советской страны занимают огромное место в духовной жизни нашего общества и все возрастают в своем значении для человека, пользуются широким признанием, воодушевляющей поддержкой народа и партии. Этим мы дорожим, этим будем дорожить.

Товарищи! Страна сейчас накануне великого юбилея, светлого праздника, который является праздником каждого из нас, праздником всей нашей жизни. Мы приходим к нему с чувством не напрасно прожитых лет.

Позвольте сказать в заключение, что вместе со всей творческой интеллигенцией, вместе с писателями всех братских республик писатели Советской Украины и впредь будут трудиться честно, самоотверженно, создавая литературу, достойную своего высокого назначения, литературу правдивого, яркого и человеческого слова. (Аплодисменты).

Лит. газ. 1987, № 43